

КОМЕТА

ЮРИЙ НЕЧИПОРЕННО
Родился в г. Ровеньки Луганской области, живет в Москве. Биофизик, доктор физико-математических наук, известный детский писатель. Автор нескольких сотен статей в области точных наук, художественной

критики, искусствоведения и публицистики. Лауреат премий «Ясная Поляна», имени Сергея Михалкова, имени Антона Дельвига и др. Инициатор и директор Всероссийского фестиваля детской книги, председатель Общества друзей Газданова,

член Русского ПЕН-центра и Московского совета Ассоциации искусствоведов. Книги переведены на греческий, китайский, сербский, румынский и другие языки. Первая публикация в журнале «Юность» — роман «Инициация» в 1998 году.

*И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.*

А. С. Пушкин

Первым делом – сноп волос чудесных.

Блондинка чистокровная, даже какая-то преувеличенная, каких не бывает, блондинка в квадрате, в кубе, со светлыми волосками по всему телу!

Она была загадкой для меня, между нами – разница в полпоколения, да и ее выбор профессии был необычен: девушка-краснодеревщица, она училась в художественном училище!

Для меня, который носился со своим университетом, это было внове.

Хотелось применить порой к ней какую-то формулу, ну хотя бы Пушкина:

*Нет ни в чем вам благодати;
С счастьем у вас разлад:
И прекрасны вы нежстаты,
И умны вы невпопад.*

Но формула не применялась, по крайней мере, первая половина была не про нее, прекрасна она была всегда и кстати, а вот про ум... Ум у нее был необычайный, не логичный ум ученого – а какой-то вычурный, диковинный – как редкий зверь.

Когда она открывала рот, невозможно было представить, куда ее понесет, или куда понесет мысль ее язык – как ковер-самолет!

Мы с ней были дружны меньше года, и за это время я так и не смог ее раскусить и понять, что же она такое.

Она была из первых неученых девушек, которых я видел.

В университете меня окружали ученые девушки – и хотя племя это было загадочным, но все же привычным, у нас был общий язык: формулы, модели, математика и физика, грамматика и филология...

И жизнь моя шла по какому-то кругу – меня осаждали, как хорошо вооруженные дредноуты, прекрасные замужние дамы, а я в свою очередь осаждал их, и в этом была какая-то забава, перемешанная со страстями и страданиями.

Я только-только развелся с женой, своя и дорогая прежде женщина стала чужой.

И здесь попадаете такая особа... У нее был грудной голос, дивная певучая интонация, которую больше ни у кого не встречал.

Она жила с родителями, с которыми вскоре меня и познакомил.

Люди странные, какие-то диковинные, в Москве живые и деревенские – они тепло принимали меня, как кавалера и ухажера.

Вся моя дружба с Ольгой была аттракционом ревности. Она была в свои восемнадцать лет столь эффектна, что вызывала интерес всех мужчин вокруг.

Я продолжаю присматриваться к Ольге – и понимаю ее все меньше.

Она показывает мне свои детские фотографии, но я опять ничего не понимаю, мне даже порой кажется, что это хорошо законспирированная инопланетянка имеет такую легенду – семью с родителями не от мира сего.

Я ухаживаю за Ольгой как-то нелепо, у нас нет ни ресторанов, ни поездок на юг – мы ходим, взявшись за руки, как дети в саду, и говорим, говорим...

Мы обхаживаем Москву, я вожу ее по местам прогулок со своими бывшими подругами, привожу на пруды в Нескучном саду – и вдруг она сообщает:

– Я чувствую здесь всех твоих дам, они как призраки в Замке Синей Бороды – ты водил их сюда и теперь приводишь меня!

Я вижу, как шевелятся ее волосы, это настоящие антенны – она ими все чувствует...

Ольга сверхчувствительная особа, и надо быть с нею осторожнее.

Все было при ней, кровь с молоком – но она была как-то свободна от вопросов пола, как дети в саду, ее эта тема мало занимала, область ее поисков находилась где-то в других местах, не в теле.

Это меня тоже удивляет и настораживает – что это за холодная такая девушка, я пытаюсь ее расшевелить, обнимаю и целую – она послушно обнимает меня в ответ и говорит:

– Мне кажется, любовью надо заниматься с дикарями, с которыми не может быть ничего общего. Дело это животное – и надо заниматься с мужчинами-животными.

Эта очередная ее «телега» ставит меня в тупик. Я ей не гожусь? Недостаточно дикий?

«От мужчины должно пахнуть козлом...»

Слово «телега» я тоже почерпнул от нее.

Как-то раз я привел ее на капустник в клуб «Богема» в Дом актера (тот, что потом сгорел, – на углу Тверской и Страстного бульвара).

Там было весело – и выступал Леонид Ярмольник, показывал своего «Цыпленка табака».

– Знатные телеги гонит, – сказала Ольга.

– Какие телеги?

– Забавные истории. Хотелось бы с ним познакомиться.

Эти «телеги» тогда, лет тридцать назад, были мне неизвестны – сейчас уже пошли новые телеги, в Телеграме...

В перерыве Ярмольник стоит рядом с нами в буфете, но меня не тянет к знаменитостям – наоборот, отталкивает от них.

Я начинаю ревновать к Ярмольнику: значит, у него телеги забавные, а я тут при чем?

Вся моя дружба с Ольгой была аттракционом ревности. Она была в свои восемнадцать лет столь эффективна, что вызывала интерес всех мужчин вокруг.

Так что мне приходилось все время быть начеку. Куда она едет, с кем договаривается, с кем встречается без меня?

Все эти вопросы меня изрядно потрепали.

Я знал, что Ольга была до знакомства со мной в «Системе» – то есть хипповала понемногу, она мне рассказывала что-то про это, и я подозревал, что у нее остались там свои гуру, или друзья-любовники...

Белая кожа, светло-рыжие веснушки по всему телу, все это было как-то по-детски мило, но особенно тревожили всех волосы, которые она не заплетала в косу, они были распущенными всегда и топорщились, лезли всюду – как хвосты кометы.

Эта беззаконная комета мелькнула в моей жизни – и ушла.

Мы познакомились на лекциях по астрологии, потом пели спиричуэлсы вместе в какой-то культурной квартире – и я пошел ее провожать.

После знакомства с Ольгой у меня начался какой-то подъем во всем: мою первую повесть оценили детские писатели до такой степени, что пригласили в турне по Узбекистану на Неделю детской книги, и тут же пришла научная удача: мы открыли необычную форму ДНК – «параллельную».

Я сидел долгими вечерами за приборами: мучил молекулы, нагревал их, ждал от них заветных сигналов – а дома меня ждала Ольга.

Это ли не счастье?

Она ждала меня из Узбекистана, но я тогда обитал в коммуналке – и соседка прямо ополчилась на Ольгу, без меня стала ее выживать.

– Волосы! В ванной оставались волосы!

Потом я переехал в комнату, где не было солнечного света, окно выходило на север, во двор – и Ольга рисовала цветы на стекле.

Потом она ушла, потом вернулась, потом опять ушла...

Я ничего не мог с ней поделаться, она жила независимой жизнью.

А просто сказать, что я ее люблю, у меня не было сил.

За слова надо было отвечать.

Наверное, все же это была дружба – редкое явление, почти невозможное между мужчиной и женщиной – и мне попалась такая девушка, с которой можно было дружить.

Но понимать я стал это гораздо позже, когда она меня нашла сама и опять проявила какой-то интерес.

И я подумал тогда – какую же редкую птицу упустил.

Может быть, и не совсем упустил – вот сейчас она читает мои слова, и значит, я еще на что-то гожусь.

Пусть даже и не той стороной, которой обычно интересны мужчины девушкам – ни деньгами, ни телом.

Неужели умом – или душой?

Я начинаю смущаться.

Ольга опять меня смущает.

Как-то раз она сказала:

– Я люблю ноль, это чудесное число, когда я думаю о нем, у меня голова кружится!

Может, я уже приближаюсь к нулю – и Ольга меня заценила за это?

Что же я все о себе да о себе, давайте поговорим об Ольге.

Когда я вспоминаю об Ольге, душа наполняется восторгом.

Как здорово было нам вместе!

И то, как мы ходили когда-то по Москве, взявшись за руки, кажется мне воспоминанием о чудесном путешествии на другую планету.

Куда занесла меня на миг эта комета.

СОБАКА С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ

Посвящается Ольге Матвеевой

В Дербенте мне хотелось выйти к морю, но проход закрывали бесконечные заборы складов и автошкол...

Я спросил у какого-то аксакала, можно ли здесь выйти к морю. Он любезно ответил, кивая на приятеля, с которым до того вел неспешную беседу:

– Вот этот человек идет туда...

Я пошел за человеком. Человек был неюных лет и роста небольшого, он все время отставал от меня, а я его нетерпеливо спрашивал, завидев очередные раскрытые ворота полуразрушенного склада:

– Здесь можно выйти к морю?

– Если там не будет собак...

Я начал догадываться, что все побережье охраняется собаками.

Наконец он взмолился:

– Ноги идут плохо, вы сами найдете: вот там, за трансформатором, дорога к морю...

Я шагал еще несколько минут, пока не заметил трансформатор на курьих ножках и за ним тропинку над каким-то ручьем, что тек в сторону моря.

Радости моей не было предела: сейчас увижу Каспий!

Но, пройдя несколько шагов, я заметил собаку.

Породистый питбультерьер сидел мордой к морю, словно кого-то ждал – и грустными глазами смо-

трел на меня, вывернув шею...

«Отчего ты так грустишь, пес», – хотел спросить я его, но промолчал.

Все же неловко заговаривать с незнакомыми собаками.

Пес был без привязи, но с ошейником.

Наверное, кто-то бросил его?

Или он ждал хозяина, что купался в море?

Я терялся в догадках, но я не стал задавать псу лишних вопросов, а зашагал по тропинке мимо него.

Меня влекло море...

Море катило седые волны – какое же оно красивое!

И ракушки под ногами рыжего цвета, и ветер на свободе – все вызывало восторг.

Куда хватал глаз, в обе стороны не было видно ни одного человека – только стайка школьников в темных одеждах, будто пингвины, облепила камни.

Я прошел мимо, но не удержался от вопроса:

– Прогуливаете?

– Нет, мы уже отучились, – соврали подростки.

Но мне было не до них, море влекло...

Оно было и седым, и юно-голубым сразу!

Холодно, конечно, – температура воздуха чуть выше 10, и море примерно такое же...

Но как же здорово на просторе!

Ребята вскоре ушли, и я стал наслаждаться морем в одиночестве.

Вдруг слышу:

– Дядя, дядя!

Обернулся: ко мне бежал пацан из компании подростков.

– Дядя, дядя, там собака – не ваша? Она не кусается?

– Нет, собака не моя, но она не кусается, грустная собака, наверное, ее кто-то бросил... Но если вы боитесь, возьмите на берегу палку, собаки боятся палки.

Мальчик убежал, я зашагал вдоль моря, вдоль складов и разрушенных стен – километры чудесного пляжа были в этой стороне Дербента совсем не ухожены.

По дороге встретил только одну старушку в черном, что гуляла у моря, и несколько бесхозных дворняжек.

И конечно, чаек, как я мог забыть про чаек!

В такой славной компании я дошел до каких-то жилых домов и попал на знакомую улицу.

Там стоял настоящий дворец из рыжего ракушечника – дом детского творчества, а перед ним бюст Ленина.

«Ракушечник подарил людям море», – догадался я.

Почти весь Дербент построен из такого мягкого и теплого ракушечника.

Но мысли об оставленной собаке не выходили из головы...

И почему она так грустила, с надеждой смотрела на меня?

Моя подруга Ольга Матвеева как-то приютила бездомную собаку в Италии и взяла ее с собой в Америку, хотя ей стоило это немало сил и хлопот.

Меня же ожидала встреча с друзьями, поездка в Махачкалу и выступление на книжной ярмарке, потом полет в Москву – куда тут вписать собаку?

Я не был готов к такому подвигу.

Когда мы встретились через несколько часов с компанией приятелей, оказалось, что они побывали на том же месте, у моря и трансформатора, где я видел собаку.

Но там псы с грустными глазами уже не было.

Может быть, она нашла хозяина?

